

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» КАК СЛЕДСТВИЕ БОРЬБЫ В ЦК КПСС**Т.З. Бабаев**

В статье рассмотрена одна из причин начала «Большого террора». Противостояние Сталина с другими представителями ЦК КПСС, а также внезапное убийство С.М. Кирова привели к «чисткам» внутри политического и военного руководства Советского Союза. Поиск виноватых продолжился и среди простого населения, поскольку в стране отмечалось невыполнение «планов» чистки. Также проанализирована отечественная историография 1950-2000-х гг. по проблеме «Большого террора». Сталинская система опиралась на механизм «чрезвычайщины» на всем протяжении своего существования: волны террора прокатились в 1930–1932 гг., в 1932–1934 гг., в 1936–1938 гг., в 1939–1945 гг., в 1946–1953 гг. С точки зрения автора, масштабы массового террора в 1930–1932 и в 1936–1938 гг. сопоставимы по своей ожесточенности, скоротечности и количеству репрессированных. Историографический анализ показал, что российские историки достигли консенсуса по базовой структуре «Большого террора». Ряд аспектов проблемы сохраняет свою дискуссионность: предпосылки и причины, периодизация, причины завершения; другие требуют дополнительного исследования: роль культурного геноципа и социальных настроений общества, последствия террора. Автор, вопреки преобладающему мнению, включает в содержание «Большого террора» репрессии против элиты наряду с массовым террором, «антикулацкой» и «национальными» операциями. Применение методов новейшей социальной истории заставляет глубже задуматься о социокультурных основаниях террора. Акцентируя внимание на исключительной роли Сталина в организации «Большого террора», не следует забывать, что диктатор действовал, находя опору в утопических социальных ожиданиях и ментальности крестьянских масс, «комбатантной brutality» своих сподвижников, порожденной опытом Гражданской войны.

Ключевые слова: Большой Террор, приказ НКВД №00447, И.В. Сталин, тройка НКВД.

С появлением человека на земле его жизнь являлась бесценной. Нет оправдания ни одной невинно убитой жизни. Анализируя события, происходившие в нашей стране в 30-е гг. прошлого столетия, нельзя останавливаться только на нравственных сторонах исследуемых событий.

Долг исследователя – обнажить все стороны нашего прошлого, даже если они не вполне приглядны. Это становится наиболее важно, когда некоторые исторические процессы на сегодняшний день рассматриваются с разных ракурсов, становясь тем самым объектом политических спекуляций. Все вышеперечисленное в полной мере относится к политической ситуации, сложившейся в СССР в предвоенные годы,

которая повлекла за собой политические репрессии, вошедшие в историю под названием Большой террор [1, 12].

В настоящей статье автором предпринята попытка показать все стороны этого болезненного для всех исследователей вопроса.

В научной литературе под Большим террором подразумевают политические репрессии, проходившие в СССР в 1937-1938 гг., ставшие едва ли не самыми проблемными в отечественной истории XX в. Исследователи по-прежнему дискутируют по поводу мотивов, побудивших к Большому террору, а также целей, стоявших перед руководством страны в период, когда был запущен самый масштабный карательный механизм.

Исключительность процессов, протекавших в 1937-1938 гг., диктовалась готовностью форсировать социально-политические процессы накануне надвигающейся войны [1, 32].

Впервые термин «большой террор» стал употребляться в отечественной историографии с 1968 г. после выхода работы Роберта Конквеста [2]. Часть исследователей применяет этот термин к репрессиям, которые происходили в СССР в 1930-х гг. Другие же считают такой термин неправильным: по их мнению, нельзя разделять террор на «большой» и «малый». Террор государства по отношению к своим согражданам был один, законодательно он подтверждался декретами от 18 февраля 1918 г. о введении внесудебных расстрелов и от 5 сентября того же года о проведении красного террора [3, 112]. В дальнейшем репрессивный аппарат, узаконенный Лениным, в период правления Сталина был превращен в тоталитарный, и, несмотря на небывалую организованность, которую он приобрел, стал продолжением террора, берущего свое начало в 1918 г.

Чтобы разобраться в причинах этой репрессивной компании, нужно исследовать процесс, с помощью которого выбирались жертвы, подвергшиеся репрессиям.

Согласно приказу № 00447 НКВД СССР жертвами террора становились граждане, которые в прошлом имели судимость, не имели определенного места жительства, а также нетрудоустроенные лица. Иногда жертвами террора становились люди, не отвечавшие этим критериям – пограничные слои. Объектом репрессий становились также люди, несогласные с существующим режимом и явно демонстрировавшие политическую неблагонадежность. Согласно статистическим данным, в 1937-1938 гг. количество репрессированных граждан резко увеличилось. Почти каждый четвертый был расстрелян. За «политические преступления» в Советском Союзе ответственность определялась Уголовным кодексом СССР [4, 28]. Репрессивные элементы Большого террора активно применялись в аграрных ре-

гионах и преподносились населению как инструмент укрепления колхозного строя.

Все исследователи подчеркивают случайный фактор, который присутствовал при выборе жертв репрессий. Его роль можно объяснить повышением контрольных показателей числа лиц, к которым применялись репрессивные меры, устанавливаемых органами госбезопасности. Немаловажную роль сыграло и само население, которое с помощью доносов решало свои бытовые проблемы и сводило счеты с недругами.

Таким образом, можно сказать, что Большой террор является многоплановым явлением, а жертвами террора становились не только в результате действий руководства страны, но и в результате пособничества некоторых слоев населения.

Первыми исследователями большого террора были наши соотечественники, эмигрировавшие в силу своих политических взглядов: Л.Д. Троцкий [5, 6], Г.С. Агабеков [7]. Принимая активное участие в репрессиях, со временем они стали разоблачителями режима, примером чему является Троцкий, активно выступавший против процессов, которые прокатились в СССР в 1930-х гг.

Нужно отметить, что, начиная со второй половины 80-х гг. XX в., в историографии проблемы сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, был снят запрет на исследования по этой теме, а с другой – остро ощущалась нехватка источниковой базы ввиду закрытости архивных фондов либо ограничения доступа к ним [8]. Тщательные исследования по проблеме террора стали возможными с 1991 г. после того, как большая часть архивов стали доступными. Исследуемая проблема рассматривается многими учеными. Например, В.Н. Земсков в своем исследовании показывает статистику заключенных ГУЛАГа [9, 12]. В ходе изысканий многие историки столкнулись с тем, что статистические данные по количеству жертв репрессий заметно различаются, и цифры бывшего КГБ СССР и МВД СССР разнятся.

После смерти В.И. Ленина новым вождем становится И.В. Сталин, довольно

жестко настроенный по отношению к своим политическим оппонентам. Как известно, поводом для массовых репрессий послужило убийство 1 декабря 1934 г. в Смольном члена Политбюро С.М. Кирова. Причина этого покушения не выяснена до сих пор [10, 221]. По версии Н.С. Хрущева, это дело рук Сталина. Существует версия, что Киров стал жертвой ревности убийцы (молодого коммуниста Леонида Николаева). По свидетельству сотрудника НКВД Г.С. Люшкова, принимавшего участие в расследовании дела и бежавшего в 1938 г. за границу, убийца, будучи невменяемым, «решил погибнуть, чтобы стать историческим героем». Пленум Верховного суда СССР, рассматривавший в ноябре 1990 г. террористический акт в отношении Кирова, определил, что он «задуман и совершен одним Николаевым». Но, так или иначе, выстрел в Смольном Сталин использовал на все сто процентов [11, 37]. Уже на следующий день после покушения на Кирова он прибыл в Ленинград. В тот же день ЦИК СССР издал Указ о применении высшей меры наказания во внесудебном порядке к контрреволюционным элементам. Вызывает недоумение то, что убийство Кирова объявили контрреволюционным преступлением даже без расследования и судебного разбирательства. Убийца Николаев и его «сообщники» (16 человек) из числа родственников и знакомых были обвинены как «зиновьевцы» и в январе 1935 г. расстреляны [12]. Во всей этой истории есть загадочное обстоятельство – Николаев ранее уже предпринимал попытку покушения на Кирова, но вскоре его выпустили из-под ареста. Охрана вернула даже обнаруженный у злоумышленника револьвер.

Один из охранников Кирова при невыясненных обстоятельствах погиб сразу же в автомобильной аварии, а ответственные за организацию охраны Кирова руководители Ленинградского управления НКВД Медведь и Запорожец вначале отделались легким испугом, получив небольшие сроки заключения, и вскоре были освобождены, однако потом – расстреляны. Обстоятельства дела позволяют предположить, что руководство НКВД (Г. Ягода) умышленно

дало возможность Николаеву убить Кирова, действуя не без участия Сталина. Окончательный вывод сделать пока нельзя.

Сталин воспользовался убийством Кирова, чтобы возложить ответственность за случившееся на бывших участников зиновьевской оппозиции. Впоследствии на февральско-мартовском Пленуме ЦК в 1937 г. нарком Н.И. Ежов привел слова Сталина: «Ищите убийц среди зиновьевцев», – и от себя добавил: «...виновником раскрытия дела был по существу т. Сталин». По подозрению в организации убийства Кирова арестовали Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Органы НКВД привлекли также к следствию большую группу людей. Только в Ленинграде арестовали 843 человека, в том числе все окружение Кирова [10, 316].

В начале 1935 г. Особым отделом НКВД были рассмотрены дела так называемой ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы. Весной того же года – дело «московской контрреволюционной организации». Арестованных расстреляли в 1937 г. по лживому обвинению в некоем сговоре с троцкистами и зиновьевцами и подготовке террористических актов против руководства партии.

Чтобы дать начавшимся массовым репрессиям оправдание, Сталин инициировал проведение февральско-мартовского Пленума ЦК (1937 г.). С докладом на этом пленуме предстояло выступать Серго Орджоникидзе. Но когда он познакомился с материалами, то пришел в ярость, при личной встрече со Сталиным проявил горячность, и в тот же день его не стало. А пленум принял решение об искоренении «остатков бухаринско-троцкистских шпионов, вредителей, изменников родины», что послужило основанием для массового произвола и гибели людей. Еще накануне пленума по всей стране развернулась кампания разоблачения контрреволюционных «гнезд», в ходе которой людей хватили без разбора, по подозрению или анонимному доносу.

Все члены групп имели ранее разногласия со Сталиным по вопросам социалистического строительства. Им вменялось в вину то, что они «не разоружились», созда-

вали на местах свои «троцкистские группы» и имели связь с Троцким. Подозреваемые долго не признавали своей вины, но в конце концов их сломили и выбили требуемые «в интересах окончательного разгрома троцкизма» показания [13, 34].

В начале июня 1937 г. перед судом Военной коллегии и высшего военного руководства предстали восемь военачальников, обвиняемых в шпионаже и измене Отчеству. Среди них заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, командующие Киевским и Белорусским военными округами командармы 1-го ранга Иона Эммануилович Якир и Иероним Петрович Уборевич, начальник Военной академии имени Фрунзе командарм 2-го ранга А.И. Корк, комкоры Р.П. Эйдеман, Б.М. Фельдман, В.М. Примаков, В.К. Путьна. Следственные материалы на участников «заговора» и отсутствовавшего на суде начальника политуправления РККА Яна Борисовича Гамарника, покончившего с собой, говорили о бредовых планах расчленения СССР и восстановления в стране власти капиталистов. Председатель Военной коллегии В.В. Ульрих, листая окровавленные дела военных, не мог добиться признания подсудимых в содеянном зле, а других обвинений не было, кроме переданных через президента Чехословакии Э. Бенеша фальшивок. Как вредительство со стороны Тухачевского, Уборевича и Якира расценивалось их настойчивое отстаивание концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию.

Ярым защитником использования конницы выступил на суде маршал С.М. Буденный. Когда выясняли вопрос, имел ли место сговор с целью отстранения К.Е. Ворошилова от руководства Красной Армией, подсудимые признали, что разговоры об этом между ними велись, и они хотели просить правительство заменить наркома. Это заявление восприняли как признание в заговоре против власти. Несмотря на то, что все подсудимые клялись в преданности делу революции и лично товарищу Сталину, Военная коллегия вынесла им смертный

приговор. А через некоторое время тем же путем и с такой же строгостью пошли на голгофу командармы Я.И. Алкснис, И.Н. Дубовой, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин, А.И. Седякин, И.Ф. Федько, командующие Дальневосточным военным округом Маршал Советского Союза В.К. Блюхер, Уральским военным округом – И.И. Гарькавый, Закавказским военным округом – Н.В. Куйбышев (брат В.В. Куйбышева), бывший военный министр Временного правительства комбриг А.И. Верховский, армейские комиссары М.П. Амелин, А.С. Булин, Г.А. Осепян и другие [14, 286]. Предполагают, что это скандальное дело «военного заговора», участники которого ни в чем не признались, фабриковалось без участия Сталина.

В результате репрессий, по уточненным данным, из сухопутных и военно-воздушных сил было уволено 25-30 тыс. военачальников, из них арестовано около 10 тыс. человек.

Потеря огромного числа видных военачальников серьезно ослабила боеспособность Красной Армии и явилась одной из причин ее поражений в начальный период Великой Отечественной войны.

Та же участь постигла арестованных по делу так называемого «антисоветского право-троцкистского блока», открытый процесс над которым состоялся 2-13 марта 1938 г. По этому делу проходил 21 человек, в том числе бывшие члены Политбюро ЦК Н.И. Бухарин и А.И. Рыков, а также наркомы земледелия СССР и члены ЦК партии Яков Аркадьевич Яковлев (1896-1938) и его преемник Михаил Александрович Чернов (1891-1938), председатель Центросоюза Исаак Абрамович Зеленский (1890-1938), бывший глава правительства Украины и активный деятель Коминтерна Христиан Георгиевич Раковский (1873-1938), члены ЦИК СССР и руководители Узбекистана Акмаль Икрамов (1898-1938) и Файзулла Ходжаев (1896-1938), другие видные деятели. Вместе с ними привлекался к ответственности глава НКВД Г.Г. Ягода [15, 72].

Бухарин вначале не понимал, чем вызваны подозрения в отношении его дея-

тельности, ибо в 20-е гг. он выступал на стороне Сталина, а размолвка по вопросам коллективизации была устранена. Но оказалось, что наговор троцкистов сыграл свою роль. Следствие длилось более года. Вопрос об аресте Бухарина и Рыкова рассматривал февральско-мартовский (1937) Пленум ЦК. Откровенное давление на членов пленума оказал Сталин, который выразил полное доверие к материалам НКВД. Любая попытка Бухарина и Рыкова возразить или защититься расценивалась как неискренность, двурушничество и клевета на органы. Так удалось сфабриковать обвинительный материал о том, что они якобы в 1929 г. скрыли наличие подпольной организации, а в 1932 г. приняли решение «о необходимости насильственного устранения руководства ВКП(б) – Сталина и др.». 27 февраля 1937 г. Бухарина и Рыкова арестовали, а 13 марта следующего года их приговорили к высшей мере наказания. Основной «разоблачитель» на этом процессе В.Н. Астров оказался агентом НКВД и в 60-х гг. рассказал, что все его показания продиктованы Ежовым и Сталиным. Бухарин и Рыков признали свое участие в «блоке», но категорически отвергали обвинения в шпионаже, вредительстве, подрыве обороны страны. Более того, Вышинский все время прерывал Бухарина, пытавшегося донести до суда свои идеи социалистического строительства [16, 212].

Начавшись в Москве, репрессии охватили всю страну и вышли из-под контроля центра. В марте 1937 г. Сталин сообщил Пленуму ЦК, что уже посажено 18 тыс. бывших членов левой оппозиции (троцкисты и зиновьевцы). Теперь речь шла о том, чтобы арестовать всех остальных левых, оставшихся на свободе, а также правых оппозиционеров. В заключительном слове на февральско-мартовском Пленуме ЦК в 1937 г. Сталин наметил программу обновления партийно-советского руководства. Он заявил, что надо подготовить всем партийным руководителям, начиная от секретаря первичной парторганизации до членов ЦК и Политбюро, по две канди-

датуры «на замену», и цинично призвал «не щадить кадры» [5, 29].

После такого призыва развернулось деятельность по уничтожению не только политических руководителей. Репрессии затронули широкие круги интеллигенции, бывших дворян, купцов, нэпманов, состоятельных крестьян. 1937-1938 гг. стали кошмаром для народа.

Достаточно было анонимного намека на нелояльность режиму или социальное происхождение – и жертва оказывалась во власти НКВД. Те, кто пострадал от властей в прошлые годы, строчили доносы на обидчиков. В них сообщалось о вредительстве, содержались призывы к искоренению врагов народа, назывались фамилии людей.

Немало поступило доносов от завистников по работе или от соседей по коммунальной квартире. Неудивительно, что в первую очередь пострадали те, кто стоял у руководства и был на виду. У НКВД существовал собственный «план» по количеству арестованных. И уж если арестовали, то обратно почти никого не выпускали. Попытками и другими незаконными методами следователи «выбивали» у арестованных необходимые признания, служившие основанием для вынесения приговора. Под прикрытием необходимости борьбы против «национал-уклонизма» и «буржуазного национализма» проводились массовые репрессии против партийных и государственных деятелей в республиках. Тяжело отразилась на всех народах страны массовая коллективизация, сопровождавшаяся репрессиями против крестьян. В 1937-1938 гг. состоялась одна из первых депортаций корейцев, проживавших на Дальнем Востоке, их выселили в Среднюю Азию и Казахстан.

Страдания, которые выпали на долю арестованных и членов их семей, описать невозможно. Обычно арестованные считали, что произошла ошибка и «товарищи разберутся». Но потом выяснялось, что их судили по статье 58 УК (контрреволюционная деятельность) без права переписки. В таких случаях семьи распадались, ибо жен тоже арестовывали и отправляли в лагерь,

а детей распределяли по детским домам. Жены арестованных подавали на развод, дети отказывались от своих родителей, знакомые и соседи прекращали всякое общение с семьей пострадавшего.

Материалы открытых процессов пугали суровостью приговоров, не соответствовавших тяжести преступлений. Всех политических «преступников» судили за шпионаж и терроризм, а в действительности никто, кроме Кирова, не пострадал от террора «оголтелой банды наемных убийц, диверсантов, шпионов и вредителей». Что касается «злодейского убийства» Менжинского, Куйбышева, Горького, то мало кто верил в признания осужденных.

Военная коллегия Верховного суда СССР отправила «на тот свет» более 50 тыс. невинных людей. Особенно мрачную память о советском «правосудии» оставил Генеральный прокурор А.Я. Вышинский, выступавший в 30-е гг. на «открытых» процессах государственным обвинителем. Его помощниками в составе Военной коллегии значилось одиннадцать человек: В.В. Ульрих (председатель), И.О. Матулович, И.Т. Никитченко, И.Г. Голяков, Я.П. Дмитриев, П.А. Камерон, И.М. Заря-

нов, Б.И. Иевлев и др., получившие повышение по службе и генеральские звания [3, 202]. Генеральный прокурор и его подчиненные на местах творили расправу по своему усмотрению, поскольку в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. считались независимыми от местных органов. С ними деятельно сотрудничали военные трибуналы, специальные суды на транспорте, различные внесудебные органы («высшая двойка», Особое совещание при НКВД, «двойки» и «тройки» на местах и т. д.), еще более множившие произвол в ходе репрессий.

Особую роль играл Наркомат внутренних дел, которым руководили сначала Г.Г. Ягода, затем Н.И. Ежов, а с осени 1938 г. – Л.П. Берия. Таким образом, НКВД превратился в мощную сыскную и полицейскую организацию.

Для подавляющего большинства потомков репрессированных и общества массовый террор 30-х гг. остается непонятной и необъяснимой загадкой до сих пор.

Есть мнение, что история ничему не учит. Возможно, но это не означает, что мы вправе забыть прошлое собственной страны, ее трагический опыт.

-
1. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Барнаул, 1990.
  2. *Конгвест Роберт*. Большой террор: Сталинские чистки 30-х. Оксфорд, 1968.
  3. *Вышинский А.Я.* Судебные речи. М., 1955.
  4. УК РСФСР 1922 г., в редакции 1926 года. Статья 58.
  5. *Троцкий Л.Д.* Преступления Сталина / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 1994.
  6. *Троцкий Л.Д.* Обезглавливание Красной Армии // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). Париж, 1937. №56-57.
  7. *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. М., 1992.
  8. *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-40 гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116-122.
  9. *Земсков В.И.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10-27.
  10. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов / Сост. И.В. Курилов. М., 1991.
  11. *Зеленин И.Е.* «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28-43.
  12. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

13. Шетинов Ю.А. Режим личной власти Сталина. К истории формирования // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 3, 4.
14. Орлов А.М. Тайная история сталинских преступлений. М.-Берлин, 2015.
15. Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика. М., 1996.
16. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989.

Babaev, Tamerlan Z. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); oxxxxyta@mail.ru

THE “GREAT TERROR” AS A CONSEQUENCE OF THE STRUGGLE WITHIN THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU.

Keywords: Great Terror, NKVD order No. 00447, Stalin I.V., NKVD Troika.

The article discusses the reasons for the beginning of the “Great Terror”. The influence of the NKVD № 00447, which was one of the main regulators of the terror of the late 30s, is comprehended. The position of the “triples” in sentencing on the basis of the report of the Prosecutor’s Office of the USSR has been studied.

The severity of the sentence received is determined depending on belonging to a certain category in the gradation of the accused. The influence of the local leadership on a significant increase in the number of repressed citizens is considered. The domestic historiography of the 1950s-2000s on the actual problem of the “Great Terror” is also analyzed. The Stalinist system relied on the mechanism of “extraordinary” throughout its existence: waves of terror swept in 1930-1932, in 1932-1934, in 1936-1938, in 1939-1945, in 1946- 1953. From the author’s point of view, the scale of the mass terror of 1930-1932 and 1936-1938 are comparable in their bitterness, transience and the number of repressed. Historiographical analysis has shown that a consensus has been reached among Russian historians on the basic structure of the “Great Terror”. A number of aspects of the problem remain controversial: prerequisites and causes, periodization, reasons for completion; others require additional research: the role of the cultural genotype and social attitudes of society, the consequences of terror, etc. The author, contrary to the prevailing opinion, includes in the content of the “Great Terror” repression against the elite along with the mass terror of “anti-Kulak” and “national” operations. The application of the methods of modern social history makes us think more deeply about the socio-cultural foundations of terror. Focusing on the exceptional role of Stalin in the organization of the “Great Terror”, we should not forget that the dictator acted, finding support in utopian social expectations and the mentality of the unbridled masses, the “combatant brutality” of his associates, generated by the experience of the Civil War.

REFERENCES

1. Volkogonov, D.A. *Triumfi tragediya. Politicheskii portret I. V. Stalina* [Triumph and Tragedy. The political portrait of I.V. Stalin]. Barnaul, 1990. 1024 p.
2. Konkvest, R. *Bol’shoi terror: Stalinskie chistki 30-kh* [The Great Terror: Stalin’s Purge of the Thirties]. Oxford, 1968. 1063 p.
3. Vyshinsky, A.Ya. *Sudebnye rechi* [Court speeches]. Moscow, 1955, Gosyurizdat, 1955. 358 p.
4. *UK RSFSR 1922 g., v redaktsii 1926 goda. Stat’ya 58* [Criminal Code of the RSFSR 1922, as amended in 1926. Article 58]. Moscow, 1926.
5. Trotsky, L.D. *Prestupleniya Stalina* [Stalin’s crimes. Ed. by Yu.G. Felshtinsky]. Moscow, Izdatel’stvo gumanitarnoi literatury, 1994. 598 p.

6. Trotsky, L.D. *Obezglavlivanie Krasnoi Armii* [Decapitation of the Red Army]. *Byulleten' opozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [Opposition Bulletin (Bolsheviks-Leninists)]. Paris, 1937, no. 56-57.
7. Agabekov, G.S. *ChK za rabotoi* [Cheka for work]. Moscow, Strela, 1992. 297 p.
8. Danilov, V.P. *Diskussiya v zapadnoi presse o golode 1932-1933 gg. i "demograficheskoi katastrofe" 30-40 gg. v SSSR* [Discussion in the Western press about the famine of 1932-1933 and "demographic catastrophe" of the 30-40s in USSR]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 1988, no. 3, pp. 116-122.
9. Zemskov, V.I. *GULAG (istoriko-sotsiologicheskii aspekt)* [GULAG (historical and sociological aspect)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1991, no. 6, pp. 10-21.
10. Kurilov, I.V. (comp.). *Reabilitatsiya: Politicheskie protsessy 30-50-kh godov* [Rehabilitation: Political processes of the 30-50s]. Moscow, Politizdat, 1991. 461 p.
11. Zelenin, I.E. "Revolutsiya sverkh": *zavershenie i tragicheskie posledstviya* ["Revolution from above": completion and tragic consequences]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 1994, no.10, pp. 28-43.
12. *Izvestiya TsK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU]. 1989, no. 3.
13. Shchetinov, Yu.A. *Rezhim lichnoi vlasti Stalina. K istorii formirovaniya* [The regime of Stalin's personal power. To the history of formation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History]. 1989, vols. 3, 4.
14. Orlov, A.M. *Tainaya istoriya stalinskikh prestuplenii* [The secret history of Stalin's crimes]. Moscow-Berlin, Alfa, 2015. 352 p.
15. Krivitsky, V.G. *Ya byl agentom Stalina. Zapiski sovetskogo razvedchika* [I was Stalin's agent. Notes of the soviet scout]. Moscow, Sovremennik, 1996. 415 p.
16. Gordon, L.A., Klopov, E.V. *Chto eto bylo? Razmyshlenie o predposylkakh i itogakh togo chto sluchilos' s nami v 30-40-e gody* [What was it? Reflection on the premises and results of what happened to us in the 30-40s]. Moscow, Politizdat, 1989. 318 p.